

АННА БОРОНИНА

Хрупкое
не всегда
бьется

Бусина
из
муранского
стекла

Охотники за мирами. Этническое фэнтези

Анна Боронина

Бусина из муранского стекла

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Боронина А.

Бусина из муранского стекла / А. Боронина — «Эксмо»,
2026 — (Охотники за мирами. Этническое фэнтези)

ISBN 978-5-04-249308-9

Лучиана — дочь Верховного мага Рима. Ее будущее — прекрасно и безоблачно, отец уже подыскал жениха для политического брака и распланировал ее жизнь. Вот только в день совершеннолетия Лучиана получает редкий магический дар, который вместо почета и уважения в ее родном городе сулит смерть. Не дожидаясь решения Совета магов, она бежит из родного кастелло, чтобы сохранить себе жизнь и развить столь внезапно обретенный дар.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249308-9

© Боронина А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Михайловна Боронина Бусина из муранского стекла

© Анна Боронина, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Иллюстрации на обложке и в блоке *Анны Борониной* Дизайн *Кати Петровой*

* * *

«Женщины, скованные хотеньем, причудами, вельнями отцов, матерей, братьев, мужей... почти все время проводят в четырех стенах, томятся от безделья, и в голову им лезут разные мысли...»

«Она была красавица телом и лицом, как когда-либо бывала женщина, молодая, мужественная и умная, может быть, более, чем женщине пристало.»

Джованни Боккаччо. «Декамерон»

Пролог

Утро выдалось сырым и серым. Зябкая жемчужная морось, накрывшая город после ночной непогоды, проникала даже под плотную ткань платья и тонкую сорочку и пробирала, казалось, до самых костей.

Узкие улочки еще оставались тихи и пустынно – только торопливый стук каблучков по старым камням разносило игривое эхо. Артефакт вел ее по сухим, незатопленным улицам. Быстрее, быстрее! Миновать еще закрытую маленькую пекарню, испуганной мышью перебежать крохотную площадь с питьевым фонтаном по центру.

Из-за неплотно закрытых дверей мастерской резчика доносились шорохи и бормотание, и порыв ветра донес запах древесной стружки и остывающего воска, кажется, там еще и не ложились после праздничной ночи.

Крошечный артефакт-бусина подсказывал, куда повернуть в лабиринте ломаных улиц и переплетении каналов. Лучиана уже чувствовала соленую влагу на лице, когда зазвонил колокол – сначала глухо и словно с трудом, сбрасывая дрему, а потом веселее и звонче. И ему завторили колокола по всему городу.

Теперь она бежала еще быстрее, не скрываясь, – все равно перезвон скроет и перестук каблучков, и тяжелое дыхание. Растрепавшиеся от танцев и ветра непослушные светлые кудри рассыпались по плечам. Прохлада пощекотала шею, изморось оседала тонкой водяной паутиной на лице и волосах.

Она торопливо смахнула со лба упавшую прядь, пальцы остались мокрыми. Дождь – это хорошо. Дождь смоем все следы, даже магический шлейф от артефакта будет не обнаружить.

Уже мелькнули в конце улицы серо-зеленые туманные волны, накатывающие на мокрую набережную, – высокая вода, поднятая Советом десяти, стирала различия между улицами и каналами. Лучиана уже выдохнула счастливо, увидев раскачивающуюся на волнах старую рыбацкую лодку, и перехватила поудобнее бусину-артефакт, которая норовила выскользнуть из поддрагивающих пальцев, когда сильная и цепкая рука схватила ее за плечо.

Она споткнулась, теряя равновесие и чувствуя, как заполошно бьется сердце, рванулась было вперед – туда, где ее ждала лодка, – ее личный путь к свободе, но твердая рука удержала.

– Куда-то торопишься, Лучиана? – раздался низкий, насмешливый голос, от которого сердце забилося где-то в горле.

Не успела! Ее сердце ухнуло куда-то вниз, безвольно опустились руки, разжались тонкие пальцы, выпуская звякнувший о камне мостовой уже ненужный артефакт. Или, может быть, это разбилось ее упавшее сердце?

Она бы разрыдалась от накатившего бессилия, но слезы только позабавили бы ее преследователя, поэтому Лучиана прерывисто вздохнула, вспоминая все уроки матери, и обернулась, растягивая губы в самой лучезарной улыбке:

– Всего лишь дышу свежим воздухом после таких ошеломительных новостей... Ваша Светлость.

Глава 1

Дочь Верховного мага

– Лу-учик! Лучиана! Где ты, девочка моя? Пора собираться!

Голос старой нянюшки раздавался из сада, и Лучиана, которая пряталась за пышно цветущим кустом рододендрона, удачно растущим вплотную к замковой стене, с трудом сдержала смех и, подобрав юбки и полы длинной домашней симары¹, ловко влезла в распахнутое окно малой библиотеки. Как удачно, что Нереза не успела переодеть ее в тяжелые официальные одежды!

Нереза была с ней с самого рождения. Сначала кормилицей, потом няней, а когда Лучиана вошла в возраст, который считался подходящим для начала сватовства, осталась при ней в качестве горничной. Нереза уже была немолода, к тому же души не чаяла в Лучиане, чем та постоянно пользовалось. Юной синьоре не пристало лезть в окно, словно оборванцу, но чего не сделаешь, чтобы добраться до заветных книг!

Солнечный свет искрился на витраже, изображающем саламандру в огненных сполохах, и, придерживав створку, Лучиана замерла, чутко прислушиваясь: не заметила ли Нереза бликов, побежавших по траве? Но все было тихо. Только пышная зелень едва шумела на теплом ветру, да щебетали птицы, облюбовавшие молодые кусты мирта вдоль дорожек и склевывающие недавно созревшие ягоды.

Малая библиотека, куда она пробралась, считалась укромным местом брата Лучианы – Джаккомо. Это было его детище и излюбленное увлечение. Библиотеку он пополнял регулярно и в основном трудами по магии. Далеко не все он успевал изучать, да и появлялся тут все реже, так как последние годы фактически являлся правой рукой отца и постоянно путешествовал по его поручениям. Но его частые отлучки давали Лучиане возможность добраться до тех книг, которые девушке ее положения и статуса читать не пристало.

Образованность ценили, но вот магия была разной. И если брат, как наследник отца, изучал среди прочего и запретные теории, ей полагались лишь скучные общедоступные трактаты по четырем стихиям.

Лучиана слизнула каплю крови с тыльной стороны запястья – розы под окнами были слишком уж колючими, но зато она выиграла для себя еще полчаса тишины и свободы. Как раз достаточно, чтобы дочитать припрятанный от домашних том по артефактам, найденный среди недавних приобретений брата.

Подобные книги отец не жаловал, как и магию, о которой в них рассказывалось. А так как отец был Верховным магом стихий, его предпочтения разделялись не только в семейном кругу, но и во всем городе. Да и попробовал бы кто-нибудь ослушаться! Магов, которые практиковали что-то кроме магии стихий, в Риме могли и на костре сжечь.

¹ Симара – верхнее платье, состояло из трех частей: удлиненной свободной спинки, заложенной от горловины спинки складками, и более коротких полочек. По бокам симара не сшивалась и только спереди придерживалась поясом на талии.

Лучиана поежилась, вспоминая одну из таких показательных казней, на которую пришлось смотреть с огромного балкона вместе со всей семьей.

Отец в гневе был пугающ, а его магия огня, хоть и полыхала жаром, вызывала скорее ледяную дрожь и оторопь.

Лучиана отца не боялась, это Джаккомо, как наследнику, приходилось терпеть крутой отцовский нрав, а она была всего лишь дочерью, и до совершеннолетия все, что от нее требовалось, – как можно реже попадаться отцу на глаза, когда тот в гневе, и быть безукоризненной на семейных трапезах. И то и другое она освоила в совершенстве, а потому считалась примерной и любимой дочерью.

Ступая неслышно по тяжелым коврам с таким густым ворсом, что и латный рыцарь прошел бы бесшумно, Лучиана забилась в дальний угол библиотеки. Там, за одним из больших массивных книжных шкафов, пряталось узкое окошко-бойница. Голубые, но не прозрачные, мелкие ромбовидные стеклышки не позволяли разглядеть ее с улицы, а света для чтения проникало предостаточно. Поэтому на широком подоконнике Лучиана обычно украдкой изучала запрещенные книги.

Кастелло, в котором жила их семья, мог послужить и крепостью, так толсты и прочны были его стены, но времена наступили относительно спокойные, хотя отец и говорил постоянно о распоясавшихся ведьмах и ведьмаках из Флоренции, которые только и думают как извратить красоту стихийной магии.

Старший брат кивал, но Лучиана не была уверена, разделял ли он взгляды отца, или проще было согласиться. А вот младший – Джованни – постоянно спорил с отцом на совместных ужинах, что дело, разумеется, не в магии вовсе, а просто в землях и влиянии. И последнее время предлагал свою кандидатуру на роль супруга для подрастающей дочери банкира Медичи, который уже много лет твердой рукой держал Флоренцию.

Отец хмурился, пламя свечей на столе вытягивалось едва ли не до потолка, мать мягко гладила темпераментного и мгновенно выходящего из себя отца по руке, и на том разговоры заканчивались.

Мать Лучианы была воздушницей. Мягкой и нежной. Она казалась изящной статуэткой – всегда безупречной и тихой. Однако крутой нравом, властный и резкий отец ее боготворил. Брак когда-то был договорным, потому что ее магия усиливала магию отца, и во многом благодаря поддержке жены Галеацио Паццо добился высочайшего поста. И она, как никто другой, могла успокоить бешеный нрав супруга.

Лучиана пошла в мать, и, как считал отец, кротостью нрава в том числе. Джованни, который тоже уродился в мать – златокудрым и тонкокостным – и с которым Лучиана частенько дралась в детстве и бесконечно спорила, став постарше, только закатывал глаза и фыркал, когда слышал разговоры о том, какой чудесной его сестра станет женой и как повезет ее будущему мужу. Уж он-то знал, как его сестра сбегала лазить по крышам и могла метко кидаться кислотными апельсинами из их сада в играющих под замковой стеной мальчишек.

И хотя это все осталось в прошлом и теперь ее больше занимали книги, накануне они поспорили, что Лучиана вовсе не воздушница, как мать, а скорее огонь в силу своей упертости. Джаккомо, который как старший часто выступал судьей в их спорах, только закатил глаза и на этот раз занял сторону младшего брата.

Лучиана фыркнула, вспомнив это, и торопливо открыла последнюю главу. Тонко выделанный пергамент приятно шуршал, а страницы еще хранили запах чернил. Лучиана погладила пальцами изящный рисунок – яркие золото, лазурь и кадмий делали изображение артефакта таким живым, что, казалось, дотронься – и изящная вещица в виде фиала, наполненного магией, окажется у нее в руках. Она перекинула рассыпавшиеся по плечам светлые кудри за спину, чтобы не мешали, и склонилась над рукописным томиком, больше похожим на чей-то личный дневник, разглядывая детали.

Неожиданно скрипнула массивная дверь библиотеки – этот звук Лучиана знала слишком хорошо – и недовольный голос раскатился под сводами, заставив ее замереть в укрытии, едва дыша:

– Я рассчитывал, что ты вернешься с подписанным соглашением, Джаккомо.

Дверь скрипнула еще раз, закрываясь, раздались приглушенные шаги.

– Прости, отец, ты знаешь, какой Паскари упертый. Он хочет быть уверен, что в качестве невесты Якопо в семью не войдет маг огня. Хотя я бы сказал, что им не помешает немного тепла. – Голос Джаккомо звучал ровно, он не оправдывался, а просто рассказывал.

Хотела бы Лучиана вести себя столь же уверенно перед отцом!

– Хитрый пескарь, а с нашей стороны мы уже все подписали. – Голос отца прозвучал еле слышно, и Лучиана едва не свалилась со своего подоконника, вытянув шею, чтобы разобрать, что происходит за стеллажами. – А что Якопо?

Раздался невнятный звук, который мог означать как смешок, так и отвращение:

– Как всегда. Бабник и гуляка. Мозгов у нашей Лучианы намного больше.

– Иначе я бы не выдавал ее за этих морских тварей... Но союз. Очень заманчивый союз. Я бы выдал ее за самого Франческо, но тогда проклятые флорентийцы могут объединиться с их противниками в Венеции. И договорились же о стеклодувных мастерских в Мурано!

– Отец! – В голосе Джаккомо звучало неподдельное осуждение, и Лучиана почувствовала прилив искренней благодарности к брату: он в который раз ее защищал.

– Не повышай голос, сын, нас могут услышать. А я хочу, чтобы ни одна живая душа пока не знала о договоренностях. Если мы получим поддержку Венеции, Флоренции и ее торговцам придется с нами считаться.

– Они и так считаются с нами, – возразил Джаккомо. – Да и Джованни не против посвятаться к Клариче.

– Как же ты еще наивен, *cussiolò*². – В голосе отца не было нежности, и Лучиана живо представила, как вспыхнул от детского обращения братец. – Джованни пора взяться за ум. Клариче не имеет веса, к тому же о ней ходит слишком много слухов, а сын Медичи только и делает, что развлекается и пьянствует. А еще маг огня. Слышал? Он делает заготовки для артефактов. Мерзость!

– Но...

– Я все решил, Джаккомо. Сегодня же, сразу после того, как будет определена стихия Лучианы, ты отправляешься обратно в Венецию. Я хочу, чтобы обряд состоялся до сбора урожая. Ты понял меня?

– А если она окажется магом огня?

– Ты все равно договоришься об этом браке!

– Но...

– Джаккомо. – В голосе отца так отчетливо звучало предостережение, что Лучиана даже задержала дыхание, боясь себя выдать.

Отец испепелит ее прямо на месте только за то, что она попалась под руку.

– Хорошо, отец. – Джаккомо привычно отступил.

Через несколько мгновений хлопнула дверь, и все стихло.

Лучиана посидела еще немного, дожидаясь, пока перестанет колотиться сердце, и шурысь на голубые от витражных стеклышек пятна света, а потом слезла с подоконника, едва не запутавшись в подоле.

² Детеныш, щенок, используется, как ласковое обращение к детям (*um.*).

Расправив кое-как изрядно помятую ткань домашнего платья, она осторожно выглянула из-за книжного шкафа. В библиотеке было ожидаемо пусто, а на небольшом столе появилась новая стопка книг. Видимо, Джаккомо привез что-то из Венеции, а отец просто нашел его здесь, когда брат принес книги и хотел немного отдохнуть после путешествия.

Лучиана бездумно провела пальцами по корешкам. Совсем новые. Тонко выделанная кожа нагрелась на солнце, льющемся из открытого окна. Лучиана сощурилась и, поддавшись внезапному раздражению, захлопнула створку так, что мелкие стеклышки витража задребезжали.

Совершенно неважно, какая именно стихия отзовется ей сегодня. Она все равно будет всего лишь завидной невестой, которую отец уже сосватал.

Не то чтобы она не знала, что так и будет, но ее неприятно удивило, что отец вполне мог отдать ее старику Франческо. Да тот был похож на унылую рыбину! А ведь Лучиана видела его пару лет назад, когда подписывался мирный договор. Сейчас он, должно быть, еще больше сдал.

Впрочем, его сын Якопо не такой уж и плохой вариант. Ходили слухи, что тот ужасный, беспринципный бабник, но даже ее братья периодически волочились за каждой юбкой. Что ж, если она внезапно окажется водницей, это может быть даже интересно.

Лучиана усмехнулась своим мыслям, представляя, как будет кататься теплыми венецианскими ночами на гондоле, потому что магией сможет заставить воду нести любое судно.

Ну а пока ее не поймала нянюшка и не заставила одеваться к церемонии, можно успеть все-таки дочитать про то, как запереть стихию в артефакте.

Отец не любил артефакторов, особенно тех, которые, как поговаривали, могли делать зачарованные предметы, позволяющие ворожить не магам. Это было якобы не угодно покровителям стихий.

Лучиана же считала, что это не угодно отцу: кто захочет, чтобы у вассалов была сильная магия? А если она будет у крестьян? Искусные маги Флоренции, по слухам и со слов братьев, которые, в отличие от нее, бывали там, могли вложить в любой предмет столько своих сил, что даже не маг, располагая подобной вещицей, был способен, например, разжечь огонь. Или вызвать дождь и ветер.

Она сама бы не отказалась от пары безделушек с магией других стихий. Уж маги могли бы использовать чужой дар! Они все обучались и осознавали ответственность. Это вовсе не то же самое, что передать магию в руки каким-то оборванцам. Но отца не устраивало и это. Он называл подобные вещи воровством и пару раз в году устраивал показательные облавы на магов, осмелившихся как-то преобразовывать собственную магию.

– Лучиана? Ты что тут делаешь?

Она вздрогнула и выронила книгу. Описание процесса создания артефактов столь сильно поглотило ее, что она не обратила внимания на звук открывающейся двери.

– Джаккомо. – Лучиана улыбнулась нежно и невинно, старшего брата она всегда была рада видеть, но сейчас он застал ее врасплох. – Ты напугал меня. Я хотела почитать, чтобы немного отвлечься.

Она торопливо нагнулась, чтобы поднять книгу.

– Неужели? – усмехнулся Джаккомо и проворно перехватил томик за мгновение до того, как ее пальцы коснулись переплета. – Что это у нас? Опять украдкой изучаешь заклинания? О...

Он осекся, и шутливая улыбка померкла. Теперь брат смотрел на нее сурово, почти как отец:

– И как много ты успела прочитать?

Лучиана как можно беззаботнее пожала плечами:

– Я только успела посмотреть картинки. Искала учебник по магии четырех стихий.

– Лучиана, – предостерегающее одернул ее Джаккомо, откладывая вожделенный том в стопку новых книг на столе. – Я и так закрывал глаза на то, что ты постоянно прячешься здесь. Но я думал, что ты просто интересуешься магией. А не этим. Ты же знаешь, что это опасная тема. Если отец узнает...

– Он не узнает, если ты не расскажешь, – сказала Лучиана и замолчала, поняв, что проговорила.

– Лучик, – Джаккомо вздохнул обреченно, но едва заметная улыбка тронула его губы, – я не смогу покрывать тебя всегда, скоро ты...

– Да-да, выйду замуж, и обо мне будет заботиться муж, и я должна не уронить честь семьи и рода, – Лучиана сложила руки на груди. – Я знаю это, Джаккомо. У нас с тобой был один учитель этикета. А вот магии я не училась. И я хочу уметь хоть что-то!

– Тебе это не понадобится, – возразил Джаккомо, присаживаясь на край стола. – Ты же знаешь.

– Но мама говорила, что...

– Мама – жена Верховного мага. Она должна знать больше, чем другие синьоры, чтобы помогать нашему отцу.

– А я его дочь, – Лучиана вскинула подбородок и победно улыбнулась. – И папа не просто так нанимал мне лучших учителей. Он хотел...

– ...удачно выдать тебя замуж, Лучик, – закончил за нее Джаккомо резко. – Ты же знаешь.

– Он хотел, чтобы я разбиралась в магии в том числе! Я знаю все про ритуал, а остальному меня просто обучат позже. Он сам так говорил.

– Лучик, – Джаккомо поднялся и положил руки ей на плечи – мягкий успокаивающий жест, – ты же все понимаешь. Ты же знаешь, что это не так.

– Нет, – упрямо повторила Лучиана. – Отец обещал, что пригласит мне учителя, как только я пройду ритуал и будет понятна направленность моей магии.

Джаккомо покачал головой, в его темных глазах плескалось сожаление, и Лучиана ощутила, что тревога, смутное понимание, которое она упорно день за днем гнала прочь, стала ощутимой, горьким комком подобралась к горлу, мешая нормально вдохнуть.

– Ты очень ценна, Лучиана, – брат грустно улыбнулся и погладил ее щеку. – Думай лучше об этом.

– Лучиана! Вот ты где, негодница! – Дверь в очередной раз распахнулась, впуская в библиотеку запыхавшуюся и раскрасневшуюся Нерезу. – Я с ног сбилась, тебя разыскивая! Уж солнце начинает садиться, а ты в библиотеке!

– Мы просто обсуждали предстоящий ритуал. – Джаккомо заслонил собой побледневшую Лучиану, которая опустила глаза в пол. – Сестра немного волнуется перед церемонией.

Убедительный тон, как всегда, легко удался Джаккомо, нянюшка моментально сменила гнев на милость, заохала, приблизилась и нежно обхватила щеку Лучианы:

– Все будет хорошо, *tesoro mio*³. – Ласковая рука пригладила растрепавшиеся кудри. – Ну пойдем же! У нас осталось совсем немного времени, а надо, чтобы ты сегодня блистала, иначе его Светлость будут очень недовольны.

* * *

– Лучиана, деточка, ну не крутись же ты! – Нереза пыталась завязать множество шнуровок, удерживающих съемные рукава праздничного платья.

Уже были позади последние приготовления к обряду, и последующему за ним торжественному приему.

После купания в теплой воде с травами светлые волосы Лучианы трое служанок тщательно высушили, расчесали и заплели в замысловатую прическу из кос, жемчужных нитей и распущенных прядей. Тонкая, специально сшитая для этого дня нижняя сорочка льнула к коже, и даже платье, непривычно тяжелое, с красивыми разрезами, показывающими нижнюю юбку из дорогой материи, привезенной из далекой Турции, уже было надето.

Лучиана нервничала после разговора с братом и вся извертелась. Тонкий батист рубашки казался колючим, золотая нить шнура, удерживающего ткань собранной на шее, неприятно щекотала ключицы. А еще ей казалось, что лицо выглядит слишком бледным, это считалось красивым, но она все равно вытягивала шею и топталась на месте, пытаясь разглядеть себя в небольшом настольном зеркале, которое отец привез ей в подарок из Венеции.

– Дочь, ты готова? – Только шорох тяжелого пурпурного платья выдал приближение Симонетты Боскони.

Мать Лучианы была очень красивой женщиной – ее тонкие черты лица, высокий лоб, рыжеватые, светлые кудри с готовностью писали на своих полотнах художники, которым щедро платил отец. После трех родов она сохранила тонкий стан и грациозность походки. Многие поговаривали, что этому способствовала магия ветра, которая неизменно влияла на свою носительницу.

Вот и сейчас мать вошла легко и стремительно, и вместе с ней в комнате словно бы стало прохладнее и легче дышать.

– Почти готова, синьора. – Нереза торопливым жестом затянула последнюю завязку на объемном рукаве нежно-голубого платья и расправила тяжелые парчовые складки. – Наша Лучик просто светится в этом платье.

Мать придирчиво оглядела Лучиану сверху донизу и наконец величественно кивнула. Прохладная узкая ладонь нежно охватила щеку, когда она склонилась к ней.

– Теперь ты совсем взрослая, Лучиана. – Мать улыбнулась, и ее лицо словно бы стало еще прекраснее.

Лучиана вздохнула, успокаиваясь. Мать всегда была мягкой с детьми, в отличие от сурового отца. И Лучиана знала, что даже старший брат приходил к ней вечерами, клал голову на колени и сидел так, пока мать молчала и гладила его по кучерявым волосам.

Она была тихой гаванью их дома. Теплым ветром, усмиряющим даже огонь их отца.

Рубиновые камушки тяжелых материнских серег качнулись, и Лучиана заворуженно проследила за солнечным бликом, который словно наполнил светом и теплом драгоценный камень.

– ...а потом отец расскажет тебе, кто станет твоим мужем.

– Что? – Лучиана, которая, кажется, слишком ушла в созерцание света, вскинула взгляд на мгновенно нахмурившуюся мать. – Простите, мама... я...

– Неудивительно, что ты волнуешься, золотце мое. – Симонетта, пригладила светлые волосы дочери, выбивающиеся из-под сеточки, сплетенной из тонких золотых нитей и укра-

³ Сокровище мое – ласковое обращение (*ит.*).

шенной жемчугом. – Но волноваться не о чем, сегодня ты узнаешь, какова твоя магия, а потом можно будет танцевать и веселиться.

– А жених? – осторожно спросила Лучиана, вспоминая разговор отца и брата, подслушанный в библиотеке, и старательно прогоняя прочь мысли о том, что для отца она всего лишь ценное вложение.

Мать на мгновение отвела взгляд, и Лучиана успела заметить, как она едва заметно нахмурилась, словно тень набежала на прекрасное лицо, но мгновение – и мать снова улыбнулась:

– Отец обо всем позаботится, Лучик мой. Тебе не о чем беспокоиться. – Она кивнула Нерезе и служанкам, безмолвно отдавая приказ заканчивать приготовления, и неторопливо прошла к двери. – Разве только о том, с кем танцевать мореску.

Лучиана только улыбнулась, не найдясь, что на это ответить. Перед глазами стояли золотистые отблески на рубиновых камушках в ушах матери. И почему-то, как только Симонетта вышла, стало еще тревожнее, чем было прежде.

Глава 2

Ритуал

Когда в небе появились первые звезды, Нереза, причитая и охая, постоянно поправляя то складки на ее платье, то волосы, отвела Лучиану в отцовский кабинет и оставила одну. Света в комнате было совсем мало – едва тлеющие угли в камине да подсвечник на три свечи. Она не боялась темноты, но неприятное, неуютное ощущение преследовало ее с тех пор, как она подслушала разговор отца и брата, и теперь, когда нечему было отвлечь ее мысли, вновь стало тревожно.

Отец любил ее, она была в этом уверена. И, несмотря на строгость и взрывной характер, бывало, что находил для нее ласковое слово, присылал подарки без повода, даже из поездок. Нанимал лучших учителей! Все ее волнения – сущий пустяк! Просто ее растревожил разговор с Джаккомо. Скоро она получит магию, и все будет хорошо!

Ждать долго ей, впрочем, не пришлось. Едва она решила посмотреть, не появилось ли новых книг в шкафу у отца, как дверь распахнулась.

– Лучиана.

– Отец. – Лучиана склонилась в реверансе, опуская взгляд.

Теплые пальцы подхватили ее подбородок, мягко заставляя поднять голову. Отец выглядел довольным и улыбался доброжелательно.

– Как ты похожа на мать. – Он быстро оглядел ее с головы до ног и кивнул, явно довольный увиденным. – Моя *piccola signora*⁴ совсем выросла.

Лучиана промолчала, хотя почувствовала, как щеки вспыхнули от удовольствия: похвала отца была не частым подарком.

– О твоём будущем мы поговорим после ритуала, а пока...

Отец осторожно открыл крошечный золотой флакон, который, не снимая, носил на длинной цепочке на шее. Лучиана даже помнила, как именно ощущаются пальцами изящные завитки узоров и глянцевая поверхность крошечных вставок эмали. Когда она была совсем маленькой, отец иногда позволял ей забираться к нему на колени и играть с изящной вещицей.

В комнате запахло сладко и тяжело – миррой и драгоценным ладаном, превращенными магами воды в масло столь дорогое, что его могли позволить себе лишь маги. Пахучие, дурманящие капли упали на ее запястья, а потом отец, нежно касаясь, начертил на ее коже невидимые символы, что-то едва слышно бормоча.

По коже пробежали мурашки. Лучиана поежилась, старательно кусая губы, чтобы не рассмеяться в такой момент, она ужасно боялась щекотки, а запястья щекотало и почему-то жгло. Но все быстро закончилось.

Отец отпустил ее руки и нежно погладил по щеке.

⁴ Маленькая синьора (*ит.*).

– А теперь идем. – Крошечная золотая крышечка флакона закрылась, и он затерялся среди золотых нагрудных украшений Верховного мага.

Спустя четверть часа, когда на праздник по случаю ее совершеннолетия начали съезжаться гости, которых приветствовали мать и старший брат, Лучиана в сопровождении отца все еще шла по длинному каменному тоннелю. Он был построен раньше, чем сам кастелло, и когда-то служил тайным ходом, который мог позволить скрыться незамеченным Верховному магу из резиденции подле центрального Собора Четырех Стихий. Предосторожность необходимая, так как еще какую-то сотню лет назад волнения по всему городу, да и по всей территории полуострова вспыхивали постоянно.

Обряд четырех стихий проходили все знатные жители города в день своего совершеннолетия. Магия могла проснуться и раньше, но при рождении родители запечатывали силу своих детей, чтобы те не пользовались ей хаотично и бездумно. Сильный неконтролируемый дар мог навредить окружающим. А с возрастом, удерживаемый специальными символами, он стабилизировался и вызревал, словно молодое вино. Каждый ребенок учился теории и контролю, и, когда дар открывался во время специального ритуала, его было намного проще обуздать. Так, во всяком случае, рассказывал отец. И у Лучианы не было причин ему не верить. Ведь, во-первых, он был Верховным магом четырех стихий, а, во-вторых, оба ее брата были необычайно сильными магами. И их дар, раскрытый во время обряда, слушался прекрасно.

Были и недовольные, которые считали, что стоит позволять способностям развиваться вместе с ребенком, но их, как инакомыслящих, могли и изгнать из города, а то и похуже.

Для магии нужны были здоровые мысли и контроль. А какой контроль может быть у ребенка?

Отец шел совершенно молча. Он не проронил ни слова с тех пор, как вложил в ее руки факел в самом начале их пути. Его крупная фигура, уверенный разворот плеч и даже тяжелый, такой насыщенно-бордовый плащ на собольем меху, что в свете факелов казался черным, внушали уверенность. Отец не был ни нежным, ни понимающим, но он всегда являлся опорой, стержнем их семьи и всего города. Мощный, сильный, как пламя, пожирающее непокорных на городской площади.

Лучиана зябко поежилась от неожиданно возникшего в голове сравнения, а может быть, из-за того, что в коридоре гулял сквозняк, качающий пламя факелов, которыми они освещали себе дорогу.

Вечером, когда солнце садилось за черепичные крыши и кроны пиний, становилось не так тепло, как при свете солнца. Осень постепенно вступала в свои права. Скоро начнется сбор урожая и самый приятный сезон, когда уже не так душно и можно сбегать в город на прогулку.

Деревенские девушки и парни привезут виноград и будут давить его на центральной площади, и все будут танцевать и веселиться, и после, через неделю, когда все празднования останутся позади, – пить молодое, еще кислое вино.

Лучиана отстраненно подумала, что если отец планирует в скором времени выдать ее замуж, то уже не получится улизнуть из кастелло и танцевать на площади, флиртуя с симпатичными мастеровыми. Придется держать спину и стоять подле жениха на балконе. Хотя танцы в парадном зале кастелло все равно будут. И уж конечно, жених или даже муж будет танцевать вместе с ней. Отец всегда танцевал с матерью.

Рука с факелом тяжелела. Пламя, плясавшее на сквозняке, жаром опаляло щеку, множило зыбкие тени. Лучиане казалось, что они, а вовсе не отец, ведут ее по тоннелю. Может быть, так просыпается ее магия? Тяжелые запахи мирры и ладана теперь преследовали ее, раздражали обоняние, смешиваясь с горьковатым чадом факела. Отец пояснил только, что по пути в Собор заговор и специальное масло на запястьях разрушат запирающие ее дар печати.

Лучиана даже замедлила шаг, прислушиваясь к ощущениям. Но все было как прежде. Никакой особой силы, легкости, покалывания в пальцах и всего того, что перечислял ей Джованни, она не ощущала. Хотя Джованни мог и пошутить.

Наконец, слишком быстро, как показалось Лучиане, они очутились у маленькой неприметной дверцы. Отец открыл ее ключом, который снял с цепочки на шее. Лучиана вновь выхватила взглядом изящный флакончик с маслом.

Она ожидала, что дверь скрипнет, но нет, механизм открылся совершенно бесшумно, и даже массивные кованые петли не издали ни звука. Отец оставил факел в скобе на стене, и Лучиана последовала его примеру. Она знала, что делать: учителя много раз проговорили с ней все этапы ритуала, а детали она выведала у Джаккомо.

Поэтому не удивилась, когда отец отогнул край гобелена и они вышли в тускло освещенную факелами узкую галерею. Никакой магии во время ритуала, чтобы не сбить привередливые стихии. Отец шел широким шагом, не думая подстраиваться под ее торопливые шаги, и Лучиана была слишком занята тем, чтобы не наступить на подол непривычно тяжелого платья и не отстать. Гневить отца своей нерасторопностью не хотелось.

Они остановились у массивных дверей. Отлитые из меди, они были щедро украшены золотыми и серебряными барельефами, изображающими четыре стихии и соответствующие им элементы.

Лучиана много раз видела эти створки распахнутыми: в Собор Четырех Стихий стекался народ во время праздников, сюда приходили просить благословения у стихий и отдохнуть в тишине, чтобы усилить свою магию.

– Ты знаешь, что делать, дочь. – Голос отца разорвал тишину так внезапно, что Лучиана вздрогнула. – Я рассчитываю, что ты получишь магию воды, но на все воля стихий.

Лучиана кивнула, опуская глаза в пол:

– Да, отец.

– По традиции, перед тем как будущий маг отправится проходить обряд, старший в роду вручает дар, который может помочь раскрыться магии, – проговорил отец, и Лучиана подняла на него взгляд. – Возьми.

Отец протянул ей длинную нитку бус из разноцветного стекла. Разного размера, но одинаково круглые, бусины походили на дорогие восточные сладости. Длинные и тяжелые бусы легли ей на шею, и тогда Лучиана увидела, что к центральной нити прикреплена еще одна, по венецианской моде, и на конце словно алая капля повисла самая крупная бусина.

– Спасибо, отец. – Она дотронулась до прохладного стекла, думая, что этот дар, верно, выбирал не сам отец, а Джаккомо во время последней поездки в Венецию.

Отец кивнул, молчаливо принимая благодарность, и больше ничего не добавил, отворачиваясь к дверям. Он, не прикладывая видимых усилий – там, верно, был какой-то хитрый

механизм, – толкнул створки, и они легко распахнулись. Лучиана замерла было на пороге, потому что увиденное потрясло ее, но осязаемый тычок под лопатки напомнил, что надо шевелиться, и она прошла вперед, прежде чем отец добавил что-то еще. Вряд ли он пожелал бы ей удачи. На все была воля стихий.

Двери с тихим стуком закрылись за ее спиной. Лучиана осталась одна в огромном величественном зале. Обманчивое ощущение, потому что она знала, что пока они с отцом шли по длинному переходу, галерею, опоясывающую купол, занимали гости. Ритуал был сокровенным таинством и праздником одновременно. Маг должен был остаться наедине с собой, чтобы ничто и никто не мог сбить стихии с выбора. Вот только это работало в маленьких храмах, тех, в которых обряд проходили дети не самой богатой и привилегированной знати. А она была дочерью Верховного мага. И все знатные семейства наверняка уже собрались высоко под куполом. На улице совсем стемнело, и света из круглых окон высоко вверху хватало, только чтобы обозначить сизые во мраке контуры. Даже если там была толпа людей, их не было видно и слышно. А значит, можно было представить, что там никого нет.

Высокие арки собора смыкались над головой, поддерживая величественный купол, где на невообразимой высоте собрались люди. Она знала это, как знала, что и отец присоединился к наблюдающим.

Не подвести. Не запятнать честь семьи. Она должна соответствовать.

Лучиана вздохнула, боясь пошевелиться.

Вокруг, зажженные безо всякой магии, горели свечи. Сотни, тысячи свечей разных форм и размеров были расставлены прямо на полу. А сам пол был залит водой, и свет дробился и мерцал, и казалось, что у нее под ногами черная бездна, освещенная лишь огоньками пламени. Прохладный ночной ветер, влетающий во всегда распахнутые окна высоко наверху, под самым куполом, не мог разогнать жара пламени. И казалось, что тонкий слой воды на полу не остановит пожара, если пламя вдруг вырвется на свободу. Но стены храма – из сероватого, отполированного до зеркального блеска мрамора – были олицетворением четвертой стихии – земли и остановили бы любой пожар.

Лучиана скинула легкие, уже намокшие туфли из сафьяна и, медленно ступая, боясь поскользнуться, босиком двинулась в центр величественного зала.

Вода, несмотря на жар свечей, была прохладной, и ступни неприятно закололо. Хотелось идти быстрее, но свечи стояли очень плотно, и только узкий проход оставался для нее. Не задеть бы подолом пламя, а то мигом вспыхнут дорогая ткань и волосы, и никто не поможет, потому что во время ритуала будущий маг может рассчитывать только на себя.

Спустя, казалось, целую вечность Лучиана дошла до центра. Здесь было небольшое круглое возвышение, из центра которого бил родник. Вода даровала жизнь, была основой всего, поэтому храм и построили на этом месте. Все стихии были равны, но именно маги воды могли врачевать. Могли заставить кровь бежать по телу быстрее или остановиться. Неудивительно, что именно мага воды хочет заполучить сыну в жены старый Франческо Паскари. Венеция потому и сильна, что они держатся за воду.

Лучиана замерла в центре и зябко поежилась. Ногам становилось все холоднее, ступни сводило: вода из родника была ледяная. Подол платья тоже промок.

Она неуютно переступила на холодном влажном мраморе. На этом моменте все знания относительно ритуала у нее заканчивались. Она знала только, что что-то должно произойти. Сколько она ни допытывалась у братьев и у матери, те только загадочно улыбались. Как-то она должна почувствовать свою стихию. Но пока она чувствовала только стылый холод пола да жар свечей.

Лучиана прикрыла глаза, отгоняя мысли о десятках взглядов из темноты. Все они смотрели на нее. Все они думали, чего стоит младший ребенок Верховного мага. А что, если она вообще не маг?

Лучиана замерла, неожиданно оглушенная этой мыслью. Она не думала об этом раньше, но ведь бывали случаи, когда даже в самых знатных семействах рождались дети без дара. Пустышки. Позор семьи.

Покалывающий ноги холодок словно бы побежал выше, сковывая тело, подбираясь к сердцу. Сомнения были губительны для мага. Маг не должен сомневаться в своих силах.

Лучиана зажмурилась изо всех сил, пытаясь ощутить хоть что-то. Как может ощущаться магия? Она столько раз спрашивала об этом у братьев и у матери, но они только и говорили, что когда придет время, она все поймет.

А она ничего не понимала и чувствовала только пробирающий холод. Может, она все-таки маг воды и именно так это должно ощущаться?

Лучиана вдохнула, и горячий от свечей воздух словно обжег горло. И неожиданно она очень остро почувствовала твердость мрамора под босыми ногами и порыв ветра, качнувший пламя так, что замелькали красноватые всполохи под веками. Лучиана, повинувшись какому-то наитию, подняла руки, кончики пальцев закололо, когда она зачерпнула и прохладу ветра, и капли воды, и жар огня. Ей показалось, что даже твердость камня она смогла поймать в сложенные лодочкой ладони.

Ей так хотелось быть магом. Достойной. Сильной. Гордостью семьи.

Свечи погасли разом. Словно кто-то одновременно накрыл все огоньки. Она не увидела этого, но почувствовала. Потянуло холодком, и следом за ним по огромному залу пробежал гул голосов, но Лучиана не была в этом уверена. В ушах гудело и так, а сердце колотилось где-то в горле.

Руки ныли, и ладони жгло, словно она держала что-то неосязаемое, но невозможно тяжелое. Лучиана осторожно приоткрыла глаза и едва не отпрянула.

Над ее сложенными лодочкой ладонями мягко сверкала крошечная искорка. Теплый и мягкий огонек. Он парил в воздухе, легкий, словно пойманный солнечный свет, разгоняющий ночную тьму в храме. Но руки дрожали, ныли спина и плечи, словно в руках Лучиана удерживала стопку самых тяжелых книг из библиотеки Джаккомо.

Мелькнули в памяти записи, которые она украдкой читала, изящный артефакт, нарисованный умелой рукой на случайно раскрытой странице.

И Лучиана, с невероятным трудом удерживая сияющую искру на ладони, дрожащими пальцами другой руки нащупала на груди тяжелое длинное ожерелье из стеклянных бусин, потянула вверх, перебирая гладкое стекло, отыскивая нужную. Самую крупную, центральную в длинной нитке, алую, словно капли крови, словно драгоценные рубины в сережках матери.

На лбу выступили капельки пота, но Лучиана уже подцепила и зажала плохо слушающимися пальцами бусину.

А теперь просто вложить.

Лучиана не знала, что делает, но подняла невероятно тяжелую руку, и искра послушно скользнула с ее ладони. Алая бусина вспыхнула ярко, обожгла на мгновение пальцы. И погасла. Под сводами храма стало темно и тихо, а Лучиана счастливо вздохнув, осела на совершенно сухой пол.

* * *

Лучиана очнулась от того, что было нестерпимо холодно. Озноб пробирал, казалось, до самых костей, все тело ломало и выкручивало, словно она поймала горячку. Маги, даже когда их магия была запечатана, практически не болели. Но сейчас ее состояние напоминало ледяную хворь, которую она однажды подхватила.

Лучиана попыталась вспомнить, что произошло, но ничего кроме тепла и тяжести от сияющей искорки не приходило в гудящую голову. А еще очень хотелось пить. Глаза она открыла с трудом, преодолевая накатывающую слабость.

Сложно было понять, поймала ли она случайную простуду из-за ледяной воды на каменных плитах собора, или таким образом раскрывался дар. Она прошла обряд вовремя, и все должно было пройти как положено. Но ничего нового она не чувствовала. Только слабость и холод. Ни о чем подобном ей не рассказывали ни родные, ни учителя.

Лучиана заставила себя сесть и осмотреться. Она была в своей комнате, все в том же платье, в котором проходила ритуал. И ожерелье из бусин было по-прежнему на ней. Она коснулась самой крупной, и мягкое тепло согрело ее ледяные пальцы. Ей показалось, что нечто внутри дрогнуло, отозвалось, и по телу прошла легкая теплая волна. Она сжала бусину в ладони, и озноб, сотрясающий дрожью ее тело, внезапно прекратился. Стало легче дышать. Почувствовав себя лучше, Лучиана с опаской выпустила бусину из руки, боясь, что слабость и холод вернуться, но нет.

Обрадовавшись, она порывисто спрыгнула с кровати и хотела было уже налить воду с лимоном из кувшина, который кто-то предусмотрительно оставил на широком подоконнике, когда за дверью раздались голоса.

Сначала это были просто гневные крики, как будто кто-то, громко возмущаясь, шел по коридору. Но по мере того, как они приближались, Лучиана смогла разобрать обрывки разговора.

– Cazzo!⁵ – Кажется, раскатистый голос принадлежал отцу. – Мы не сможем это скрыть!
– Отец!

Лучиана насторожилась и прислушалась.

– Ты не можешь!

– А что я должен делать, если это ведьминское отродье?! – Голос отца был так громок, что она вздрогнула, и вода в кувшине, который продолжала сжимать в руках Лучиана, пошла рябью.

Или это у нее затряслись руки, потому что показалось на мгновение, что отец говорит про нее? Но ведьминское отродье? Так обычно отец назвал тех магов, которые вкладывали магию в артефакты, но это ведь она еще ничего не умела и только-только прошла обряд.

– Amato⁶, прошу тебя, amato, не кричи так. – Голос матери раздался прямо за дверью.

В следующее мгновение она распахнулась с такой силой, что грохнула по стене, а Лучиана едва не выпустила из рук кувшин, который все еще продолжала держать.

– Ты! – Отец стремительно пересек комнату и схватил Лучиану за предплечье с такой силой, что она вскрикнула от боли. – Что ты сделала во время обряда?

– Я... я не помню. – Лучиана попробовала освободиться, но хватка отца походила на стальной капкан, вроде тех, что расставляли в пригороде в сезон охоты на кабанов. – Что...

– Молчать! – рявкнул отец, отталкивая ее от себя так, что она едва удержалась на ногах.

Вода из кувшина плеснула на платье, часть попала на роскошный пурпурный камзол отца. Но тот, кажется, даже не заметил, продолжая орать:

– Как ты посмела! Ты! Маленькая!..

– Галеацио, amato, – мать поймала отца за руку, разжала гневно сжимающиеся в кулак пальцы и приложила к своему сердцу. – Не гневись так, Лучиана сама не знает, что произошло. Ведь правда?

Мать смотрела на нее с отчаянной надеждой.

⁵ Грубое итальянское ругательство.

⁶ Любимый (*ит.*).

Лучиана кивнула, боясь хоть что-то произнести, чтобы не спровоцировать пышущего гневом отца. Свечи на туалетном столике уже и так совсем оплавилась. А едва тлеющие до того угли в камине полыхали, словно туда подкинули свежих дров.

– А кто знает?! Кто?!

– Отец. – Джаккомо стоял в дверях, из-за его спины выглядывал бледный и перепуганный Джованни. – Не кричи так. В зале гости, ты же не хочешь...

– О-о, я хочу! Я хочу, чтобы это... – он указал пальцем на Лучиану, вжимающуюся в подоконник, блеснули в пламени камина драгоценные камни в его перстнях и на богатой вышивке по рукавам. – В темницу ее! Наше имя не будут полоскать на площадях и говорить, что я потакаю этой... этой мерзости в своей семье! Никогда и никто из семьи Паццо не связывался с грязным ведьмовством!

– Amato! – Мать вцепилась в плечи отца, вглядываясь в его лицо.

– Отец! – Голоса Джаккомо и Джованни слились в один возглас ужаса.

– Я не... – начала было Лучиана, не понимая, но дрожа, потому что никогда еще не видела отца в таком гневе, и тем более он никогда не был направлен на нее.

– Но никто ничего не узнает! Мы можем это скрыть!

– Это? Чтобы я это скрыл? – Отец провел по лицу рукой, он выглядел теперь не злым, не страшным, а бесконечно уставшим. – Если мы это скроем, а потом все всплывет? А оно всплывет. В ней же ни крупицы магии стихий, она не сможет колдовать!

– Мы скажем, что она лишена дара, – предложил Джаккомо торопливо.

– Все видели, что она сотворила в храме, – мрачно пробормотал Джованни. – Это было красиво...

– Это было ужасно! – вновь разъярился отец. – Я бы убил ее своими руками, но...

– Amato!

– Отец!

Лучиана совсем вжалась в подоконник, пристраивая на край кувшин, который все это время так и сжимала в руках. Что же она натворила, что отец в таком бешенстве? Возможно ли, что его гнев вызван крушением планов по созданию союза с Венецией?

– Пусть решает Совет Старейшин, – сказал отец, высвобождаясь из рук матери. – Гостям скажем, что она устала. Я смогу уговорить Совет сделать слушания закрытыми.

– Отец, ты же понимаешь... – начал было Джованни.

– Я пойду к гостям, – бросил отец, направляясь к дверям. – Джаккомо, проводи ее в темницу. Если Совет Старейшин ее приговорит, так тому и быть. Теперь уже все равно.

И хотя отец закрыл за собой дверь тихо, Лучиана все равно вздрогнула.

– Джаккомо, что происходит? – Лучиана вцепилась в подоконник, чувствуя под дрожащими пальцами холод камня, казалось, он подбирается к самому сердцу. – Я не понимаю. – Она всхлипнула, смаргивая слезы, подступающие к глазам. – К чему... меня могут приговорить?

– Cara mia⁷, – прошептала мать, стремительно пересекая комнату и заключая ее в объятия, тонкие руки лихорадочным, быстрым жестом пригладили ее растрепавшиеся кудри. – Все будет хорошо.

– Не будет, – мрачно уронил Джаккомо, – я не могу не исполнить приказа отца.

– Что такое ты говоришь! – Джованни, встал между матерью и вцепившейся в нее Лучианой и старшим братом. – Ты что же, как и отец, считаешь, что она... ведьмовское отродье?

Лучиана задушенно всхлипнула и поняла, что больше не может сдерживать рыдания. Слезы потекли по щекам. Совет мог приговорить либо к изгнанию, либо к казни. Никаких законов она не нарушала, вот только ритуал прошел не так.

⁷ Моя дорогая (*ит.*).

– Ч-что произошло? – Она давилась слезами и дрожала от страха, ей показалось даже, что она чувствует запах гари и паленой плоти, но, верно, это были свечи, расплавленные от гнева отца и наложившиеся на страшные картинки воспоминаний когда-то увиденной казни на площади.

– Ты – артефактор, – ответил Джаккомо, и слова прозвучали тяжело и многозначительно в наступившей тишине.

Неужели ее могут сжечь из-за того, что она смогла каким-то образом поместить в бусину своего ожерелья ту крохотную искорку, невесть как сформировавшуюся от одной ее воли и ощущения мира вокруг?

– Мама... – прошептала Лучиана, оседая на пол в объятиях матери, представляя как пинками и тычками ее, босоногую и в одном только нижнем платье, заставляют выйти на площадь, где уже ждет сложенный огромный костер и столб, к которому ее привяжут. – Mamochka...

Она задохнулась от рыданий и, кажется, даже на мгновение потеряла сознание. Перед глазами все помутилось и поплыло, а под нос мать торопливо подсунула крохотный стеклянный флакончик с лимонным маслом. Он пах свежестью, теплом и лимонными рощами побережья, где они часто пережидали жаркие летние месяцы.

– Мне придется отвести ее в темницу. – Голос Джаккомо доносился словно издалека, как когда она ныряла в теплые морские волны, а он и Джованни, смеясь, звали ее с берега. – Иначе Суд Старейшин с радостью приговорит и меня.

– И ты позволишь им... – начал было Джованни, сердито хмурясь и сжимая кулаки, совсем как отец.

Но Джаккомо прервал его быстрым жестом, выглянул в коридор и, прикрыв дверь, сказал, понизив голос:

– Пока лучше сделать, как приказал отец. До слушания Старейшин с Лучиком точно ничего не произойдет, а за это время мы что-нибудь придумаем.

– Джаккомо... – прошептала мать, сжимая Лучиану в объятиях так, что она едва могла вдохнуть. – Пожалуйста...

– Джованни, останься тут. – Джаккомо уже все решил.

Лучиана знала этот уверенный собранный тон. Так старший брат говорил от имени семьи и всегда, когда отец давал ему поручения. Синьор Паццо – вот кем он был в этот момент. Он помог подняться ей на ноги уверенным жестом, как помогал подниматься всегда, и Лучиана мягко высвободилась из объятий матери.

– Все будет хорошо, мама. – Слова дались ей с трудом, потому что она сама в них не верила, и к тому же перемежались всхлипами.

Мать ей убедить точно не удалось. Она так и осталась сидеть на полу, парча ее пурпурного платья черным пятном растеклась вокруг хрупкой, словно мгновенно сломленной горем фигуры, и ловила золотом шитья отблески пламени из камина. Лучиана бросила последний взгляд на нее и Джованни, который показался ей неожиданно взрослым. Он кивнул, безмолвно прощаясь, непривычно хмурый, и опустился на ковер рядом с матерью, приобнимая и поддерживая.

Глава 3 В подземельях кастелло

Джаккомо вел ее все ниже и ниже по винтовой лестнице, уходящей, казалось, в глубь земли. Одной рукой он держал латунный подсвечник с единственной свечой, отбрасывающей тревожные тени на сырые холодные стены, второй периодически осторожно подхватывал ее за руку, чтобы не поскользнулась и не упала. Потертые скользкие ступени кольцами змеились под ногами. Затхлый сырой воздух забивался в легкие, не давая дышать полной грудью, оседал кисловатым привкусом тлена и запустения на языке.

Темницы кастелло использовались нечасто: все преступники и ожидающие Суда Старейшин содержались под резиденцией Верховного мага рядом с центральным собором. Целая сеть катакомб, жуткий муравейник, наполненный болью и страхом. Лучиана никогда там не бывала, но часто ловила обрывки разговоров, видела записи на столе у отца, слышала скупые, лишённые эмоций отчеты Джаккомо, когда он возвращался из долгих поездок, во время которых мать была бледнее обычного и отменяла все развлечения.

Лучиана боялась, что Джаккомо поведет ее туда, но они шли знакомым путем. В пустующих подземельях замка они часто играли детьми, сбегая сюда от присмотра нянек и учителей. Тогда этот жуткий спуск казался веселым, щекочущим воображение приключением. Сейчас же она дрожала и цеплялась за руку брата, кусая губы, чтобы снова не разрыдаться.

Они остановились у небольшой, окованной железом двери, и Джаккомо выпустил ее руку, чтобы с силой постучать тяжелым кольцом ручки. От грохота Лучиана содрогнулась всем телом и обняла себя руками, чтобы хоть как-то сохранять тепло и скрыть предательскую дрожь.

Дверь открылась не сразу. Мерзнувшей Лучиане показалось, что прошла вечность, пока они стояли там, но она радовалась этой отсрочке. Ей хотелось столько всего сказать брату, однако она молчала, глядя, как он хмурится, что-то обдумывая.

Дверь скрипнула, приоткрываясь.

– Синьор! – Молодой юноша в военной форме цветов отцовского герба почтительно склонился, скользнул любопытным взглядом по Лучиане и поспешно отвел взгляд. – Синьора.

Лучиана горько усмехнулась.

– Клето, ты сегодня один? – небрежно поинтересовался Джаккомо, подталкивая Лучиану вперед.

– Да, милорд. – Клето поспешно отступил внутрь, его уши смешно заалели, и в другое время Лучиана непременно бы нашла для него доброе слово или веселую шутку; молодой воин отца явно терялся перед ней.

– Дай мне ключи от камер, – приказал Джаккомо, повелительно протягивая руку.

Лучиана поежилась от этого уверенного резкого жеста – так он ей напомнил движения отца. С ней брат вел себя совсем иначе, а здесь в этой маленькой, каменной комнатке, где было душно от чада факелов, пахло кисловатым вином и затхлым помещением, он был герцогом,

наследником своего отца. Сильным магом. Возможно, здесь, в подземельях, он был даже сильнее отца, потому что сама земля и эти каменные стены откликались на его магию.

Лучиана неожиданно ощутила что-то. Словно обострились чувства, и громада камней, все эти стены вокруг и земля на много сотен километров внизу, под ногами откликнулись, наделили ее силой. Она даже протянула руку, потому что хотелось поймать, уложить в ладони эту мощь, но тяжело звякнула связка ключей разных форм и размеров на металлическом кольце. И брат, оставив свечу на столе, перехватил ее за запястье и потянул за собой в узкую каменную арку.

Они очутились в длинном коридоре, разбитом на узкие, забранные решетками закутки. Факел горел только один, у самого начала. Пламя трещало и давало слишком мало света. Джаккомо бросил взгляд через плечо, жестом показывая Клето, что нет нужды следовать за ними. Стражнику явно было любопытно, но он, мгновенно повинувшись, перестал маячить в арке.

Джаккомо же пошел дальше, вглубь коридора, все так же удерживая Лучиану за запястье. Коридор неожиданно изломился под прямым углом и открылся точно такой же, только вполувину короче и оканчивающийся лестницей, ведущей вниз.

Здесь было всего три камеры, Лучиана успела посчитать, прежде чем Джаккомо загремел ключами и открыл среднюю.

– Прощу, – с шутовским поклоном сказал он, но лицо оставалось мрачным, а глаза не смеялись.

Лучиана вошла в камеру длиной в пять-шесть ее шагов, а шириной и того меньше. Кучка соломы на полу, цепи, свисающие со стены, и серый стылый камень.

– Джаккомо... – начала было она, но брат приложил палец к ее губам и сказал громко:

– Здесь ты пробудешь до суда. Моли стихии, чтобы Старейшины просто отправили тебя в изгнание.

Лучиана отшатнулась. После всех событий этого дня она не сразу поняла, что Джаккомо разыгрывает представление для единственного охранника этих подземелий.

– Я поговорю с теми из Старейшин, кто лоялен ко мне, – понизив голос, торопливо проговорил Джаккомо. – Твоей жизни ничего не угрожает, Лучик. Представь, что мы просто играем в подземельях.

Брат нежно обхватил ладонью ее щеку и коснулся лбом ее лба. Лучиана всхлипнула и обняла его трясущимися руками, сдерживая рыдания: не стоит тревожить его еще сильнее.

– Ты вся дрожишь... – Джаккомо порывисто сорвал с себя тяжелый, подбитый мягким кроличьим мехом плащ и накинул его на плечи Лучианы. – Держись, Лучик. Все будет хорошо, я обещаю.

– Но отец...

– С ним я тоже поговорю.

Решетка захлопнулась с таким оглушительным лязгом, что Лучиана едва не закрыла уши руками. Эхо насмешливо подхватило и, словно издеваясь над ее бедой, многократно повторило звук опускающегося засова и закрывающегося замка.

Джаккомо бросил на нее последний взгляд, даже не стараясь обмануть улыбкой, и ушел, оставив одну в стылом полумраке.

Она стояла у решетки, прислушиваясь к удаляющимся шагам брата, кутаясь в его слишком большой для нее плащ – оглушенная и опустошенная. Эхо коридора донесло до нее невнятные голоса брата и Клето, и все стихло. Остался только слишком громкий в этой тишине звук ее дыхания. Даже сердце билось ровно и спокойно. Не гудела в ушах кровь. Лучиана опустилась прямо на холодный пол и только теперь разрыдалась по-настоящему.

* * *

Лучиана думала, что не сможет заснуть на полу, тем более на отсыревшей, неприятно пахнущей соломе, и проведет ночь, терзаясь мыслями, но волнения прошедшего дня сделали свое дело. Устав прислушиваться и выдумывать самые страшные варианты развития событий, она кое-как устроилась подальше от стылой стены и завернулась в теплый плащ брата. Знакомый горьковатый запах трав и ветра окутал ее, и, уткнувшись носом в мягкий кроличий мех, Лучиана моментально заснула. Ей не снилось никаких снов, и даже снующие мыши не потревожили ее покой: их больше привлекали остатки ужина Клето, чем свернувшаяся в комочек девушка.

Проснулась она от скрежета выдвигаемого засова, испуганно дернулась и едва не простонала от ломкой боли во всем теле. Сон на каменном полу явно не пошел на пользу.

– *Buongiorno*⁸, синьора. – Клето протягивал ломоть хлеба и простую кружку, кажется, жестяную.

Моргая от трепещущего света факелов, Лучиана не смогла точно разобрать. Потерянная после сна она нашла в себе силы кивнуть и молча забрала кружку и хлеб.

– Если что-то понадобится, синьора... – Клето неловко потоптался, отводя взгляд. – Не положено... Но вы ведь синьора. Вы покричите, и я приду. Здесь хорошо слышно.

Он бросил на нее быстрый и смущенный взгляд, который в любое другое время ее бы позабавил.

– С-спасибо, – прошептала она, боясь, что ей изменит голос и она позорно, недостойно своему статусу разрыдается.

Хотя какой теперь у нее статус, если ее ждет Суд Старейшин и родной отец считает ее ведьминским отродьем? Проклятая магия! Лучше бы она вовсе была ее лишена.

– Я вам тут еще принес. – Клето сделал маленький осторожный шаг вперед и протянул ей какую-то тряпицу, с которой капала на пол вода. – Не положено, но я подумал, что вы захотите умыться.

Лучиана прерывисто вздохнула, потому что в горле застряло что-то колкое, мешающее нормально дышать, а глаза предательски защипало. Она сжала кружку посильнее, руки задрожали, а проливать воду не хотелось – в горле было сухо.

Хотелось, чтобы этот молодой мужчина – смешной и нескладный, совсем не похожий на тех велеречивых синьоров и их сыновей, с которыми она пересекалась на балах и приемах, – скорее ушел и не видел ее такой. Никто, кроме няньки и служанок, не видел ее с утра с тех пор, как отец позволил ей переехать из детской в собственные покои. Даже Джованни перестал забегать к ней до завтрака, пока она еще нежилась в кровати. Застав его как-то рано утром в ее комнатах, мать сурово выговорила, что не стоит синьору вламываться в спальню к молодой девушке. Даже если она его сестра.

И теперь, хотя Лучиана была полностью одета, она чувствовала себя очень уязвимой.

– Ох, что же это я. Сейчас. Простите, синьора, я не подумал. Вы же к такому не привычны...

Он осекся и взглянул на нее испуганно, словно она могла рассердиться. Лучиана же дрожала и смаргивала слезы.

Как так случилось, что она проснулась в этом каменном мешке, а не в своей уютной спальне? Почему из-за какого-то дурацкого ритуала, когда она даже не понимала, что делает, и уж точно не пыталась причинить кому-то вред, ее заперли здесь, словно опасного преступника? В чем она провинилась?

⁸ Доброе утро (*ит.*).

– Сейчас, сейчас. – Клето забрал из ее дрожащих пальцев кружку, аккуратно поставил прямо на пол и положил сверху ломоть хлеба.

А потом протянул тряпицу.

– Она чистая, правда, – смущенно добавил он. – Я бы принес воды... но не положено. Да и лить пришлось бы прямо на пол...

– Я... – Лучиана с трудом проглотила комок в горле, – спасибо. Можно я...

О стихии! Будет еще более неловко, если она попросит его уйти? Она же не будет умываться при нем.

Клето оказался сообразительным, его уши покраснели так сильно, что это было заметно даже в слабом факельном освещении, но зато он кивнул и поспешно ретировался. Не настолько, впрочем, поспешно, чтобы забыть запереть на замок решетчатую дверь.

Когда хлеб был съеден, а вода выпита и Лучиана кое-как обтерла наверняка опухшее от слез лицо, подрагивая от холода мокрой тряпицы, вновь раздались шаги. Эхо действительно было сильным, и только сейчас Лучиана подумала, что вероятно, Клето вчера слышал ее рыдания. Она уже собиралась поблагодарить его за участие, когда перед решеткой оказался тот, кого она совершенно не ожидала увидеть.

– Отец. – Она поспешно склонила голову и слегка присела в привычном полупоклоне, которым всегда его приветствовала, и только потом осмелилась взглянуть в его лицо.

Он выглядел так же, как и всегда, – только сямара была незнакомая, наверное новая, с темным, мягким даже на вид мехом на груди и на плечах, рыжевато поблескивающим в дрожащем свете факелов.

Он смотрел на нее молча, тяжелым взглядом, и было сложно разобрать из-за теней и трепещущего света хмурится ли он, недоволен или просто задумался.

– Сегодня утром собирался Совет Старейшин, – бесцветно произнес он, отводя взгляд в сторону, словно не мог даже смотреть на нее.

Утром Лучиана неожиданно осознала, что даже не знает, который час. Как высоко солнце поднялось над терракотовыми крышами Рима? В тени ли от моста та часть Тибра, что видна из окон ее спальни, или разбрасывает золотые искры солнца по каменной кладке стены кастелло, уходящей прямо в воду? И вышло ли вообще солнце или день ненастный и ветреный?

Отец снова молчал, словно принимал какое-то решение. И у Лучианы вспыхнула робкая надежда, что сейчас он ее выпустит. Скажет, что все произошедшее – странное, нелепое стечение обстоятельств и страшная ошибка. И что все станет как прежде. И вот сейчас он отдаст приказ Клето открыть решетку, и она вернется в свои комнаты.

– Мнения Совета Старейшин разделились, – наконец произнес отец. – Часть из них считает, что стоит просто изгнать тебя из города, а лучше попробовать выдать замуж, как и планировалось, за Паскари. Глупый план.

Лучиана стиснула пальцы, потому что сказанное было совсем не похоже на то, на что она уже робко начала было надеяться.

– Другая половина считает, что подобная магия чрезвычайно опасна. – Отец смотрел все так же безучастно. – Я склонен согласиться с ними, но...

Лучиана молчала, потому что голос совершенно точно бы ее подвел. Она знала, что стоит за этим «но». Честь семьи, их доброе имя, положение в обществе. Статус отца как Верховного мага.

Он ненавидел магов, которые могли черпать любой из видов магии и вкладывать в предметы, считал это ересью. И вся его семья, она сама, весь город и все герцогства, которые находились под влиянием могущественного во всех смыслах Верховного мага – Галеацио Паццо, – только поддерживали его в этом мнении. Она сама молчаливо стояла на балконе кастелло и безучастно смотрела на пламя, подбиравшееся к осужденным за то, что во время ритуала, пусть и неосознанно, совершила сама. Она даже не могла зажать уши руками и отвернуться,

потому что это бы означало, что она предаёт их род, не разделяет мнения главы. Из них всех только Джаккомо имел смелость, или, как она часто сама считала, глупость, – говорить, что это неправильно.

Удивительно ли сейчас, что отец готов сделать то же самое с ней? После того как они все столько раз поддерживали его взгляды?

– Отец, – начала было она, даже не зная, что хочет сказать, потому что понимала, что он не услышит ее, не услышит ни одного из доводов, которые теперь казались такими логичными и правильными, потому что на кону стояла ее собственная жизнь.

Он остановил ее одним едва заметным мановением руки. Пламя факелов вспыхнуло и потянулось к потолку – жаркое, горячее и непримиримое – воплощение сущности ее отца. Он сам был таким же – непримиримым и жестоким.

– Я приму решение до заката солнца, – уронил он тяжело, но Лучиана не видела сомнений на его лице.

Он уже знал, что решил, его останавливали лишь последствия, которые его решение навлечет на род Паццо. Род, к которому ей так не повезло принадлежать.

* * *

– Он ее приговорит. – Симонетта лихорадочно ходила по своим покоям, заламывая тонкие руки. – Джаккомо, ты же знаешь! Мы должны что-то сделать!

Домашняя симара насыщенного серо-серебристого, почти стального цвета тревожно разлеталась от ее шагов.

Служанок Симонетта отослала еще четверть часа назад, как только на пороге появился Джаккомо – мрачный, под стать дню за мелкими, ромбовидными стеклышками окон. Рим хмурился тучами, небо потяжелело и давило на город.

– Мама, *per favore*⁹, успокойся. – Джаккомо пришлось встать на ее пути и, мягко направляя, усадить в изящное кресло у окна. – Мыждемся решения Совета и не будем торопиться.

– Я не хочу смотреть, как ее сожгут на площади, словно преступницу! – Симонетта попробовала было вскочить, – когда она нервничала, раскрывалась порывистость ее натуры, то, что она тщательно скрывала от посторонних глаз, то, что диктовала ей ее магия, – но Джаккомо мягко удержал.

– Ее не сожгут, – успокаивающе проговорил он.

– Будто ты не знаешь своего отца! Что лучина – вспыхивает, а потом думает.

– Мама, это была именно что вспышка. Ты думаешь он позволит, чтобы кто-то узнал о произошедшем? Лучиана не пострадает.

– Весь город был в Соборе во время ритуала! А кто не был, тому уже рассказали. Слухи в Риме расползаются быстрее, чем вспышки чумы летом.

Джаккомо отошел к окну, выглядывая, отмечая, что стража сменилась, и, сложив руки на груди, сказал, понизив голос:

– Они обсуждали брак Лучианы с Паскари. Половина голосов Совета за то, чтобы выдать Лучиану замуж, как и планировалось.

– Не может быть, – покачала головой Симонетта.

Рубиновые серьги качнулись в ушах, подчеркивая белизну ее безупречной шеи; даже трое родов и несколько неудачных беременностей не оставили следа на прекрасной Симонетте. Она, как и все женщины полуострова, не могла в полной мере использовать свою магию. Девушек не обучали, в отличие от наследников, пользоваться магией. Так – легкие простые заклинания, ничего серьезного. Но магия продлевала жизнь, давала молодость. И это было единственным,

⁹ Пожалуйста (*ит.*).

что оставалось доступным для женщин. Не везде, где-то нравы были свободнее, но в Риме вся власть была у Верховного мага. И его сторонников.

Их женам надлежало служить украшением и рожать наследников, укреплять власть мужей и рода, куда они входили после свадьбы. Контролировать свой дар и передавать его наследникам.

Лучиане же передавать было нечего. Ее дар был другим, и это вызывало в Симонетте не только сильную тревогу, но и гордость. Симонетта была из рода Боскони, а они иначе смотрели на мир и то, кому положено колдовать, а кому нет. В роду Симонетты быть артефактором – значило держать в своих ладонях власть. И теперь Симонетта, кроткая и нежная Симонетта, так умело успокаивающая вспышки гнева мужа, надеялась, что ростки знаний, которые она тайком передавала своим детям, прорастут и сделают этот мир лучше.

Но Лучиана! Она не хотела, чтобы что-то случилось с ее Лучиком.

– Даже если Галеацио сможет все замять в Риме, старый Паскари сразу поймет, что Лучиана – не просто маг, а артефактор, – сказала Симонетта, тревожно постукивая кончиками пальцев по позолоченному подлокотнику. – А что твой друг?

Джаккомо недовольно поморщился:

– Сойтись с Якопо ему не удалось. Он прислал гонца с письмом, где сообщил только, что расскажет все лично. Возможно, он уже в Риме, и скоро мы получим вести.

– Джаккомо... – Симонетта поднялась и прошла по комнате, но в ее движениях уже не было ломкой тревожности, она задумалась и кусала подкрашенные красным соком губы – привычка, которая вызвала невольную улыбку у Джаккомо: точно так же делала Лучиана, когда планировала очередную каверзу, которую ему бы пришлось скрывать от отца. – Твой друг... Он же из Флоренции?

Джаккомо кивнул, начиная понимать, что задумала мать, и она подтвердила его догадки.

– И он в Риме сейчас или будет очень скоро. И он благородный...

– Ну тут я бы не поручился, – хмыкнул Джаккомо, и Симонетта совсем не аристократично закатила глаза.

– Невинность – это меньшее, что нас волнует сейчас. Костер, Джаккомо! Костер!

– Скорее яд. Или, может быть, удавка. Или брак с Паскари.

Симонетта замерла на середине движения, застыла, словно прекрасная статуя из тех, что так нравилось коллекционировать ее мужу.

– Конечно. Несчастный случай, верно? А потом приспущенные флаги, печальная траурная процессия, и род Паццо скорбит.

Джаккомо издал звук, которым не то выразил согласие, не то отвращение от такого исхода.

– Не хочется верить, что Галеацио способен на подобное... Но тогда наш план тем более сработает. Галеацио, конечно, организует погоню. Может быть, что-то будет подозревать, но уверена, что я смогу его отвлечь.

Симонетта остановилась спиной к окну, и неожиданно выглянувшее солнце золотым ореолом подсветило всю ее фигуру. О да, его мать могла отвлечь кого угодно, но все же была верна только его отцу, в этом Джаккомо не сомневался.

– Во Флоренции она будет в безопасности, Джаккомо, – глаза матери сияли. – А потом мы что-нибудь придумаем.

Глава 4 Побег

После того как отец ушел, Лучиана не могла усидеть на месте и нервно мерила шагами камеру. Пять шагов туда, пять обратно. Внутри билась кипучая, требовавшая выхода энергия.

Что ей теперь делать? Не сидеть же покорно и ждать решения отца? Лучиана даже пнула решетку от досады и злости и зашипела от боли.

Что она может сделать, сидя здесь?

Она была магом, не просто так же отец собирался от нее избавиться? А он собирался, теперь Лучиана понимала это особенно хорошо. В лучшем случае она станет удачным вложением и укрепит политические договоренности с Венецией, став женой одного из Паскари (и что-то ей подсказывало, что вовсе не сына, потому что тому как раз нужна была жена с магией воды в крови). В худшем – кинжал, яд, а может быть, и публичная казнь на площади. Последнее – маловероятно, братья и мать сумеют отговорить отца, но теперь она ни в чем не была уверена. Отец очень умело выстроил вокруг нее иллюзию того, что она ценна и важна. Так и было, пока не оказалось, что она обладает неугодной магией.

Хотелось плакать, но слез не осталось. Кажется, она выплакала все прошедшей ночью, пока горевала о несправедливой судьбе. Неудивительно, что даже этот нескладный и, кажется, робкий стражник проникся к ней сочувствием. Она-то себя не контролировала (непозволительное состояние для девушки ее положения), а гулкое эхо, вероятно, превратило ее всхлипывания в настоящие стенания.

Осененная идеей, Лучиана замерла и сразу же, не дав себе времени передумать, подергала решетку и что было сил постучала по ней ладонью:

– Клето! Кле-его!

Только бы стража не сменилась, мысленно взмолилась она с замиранием сердца, когда эхо донесло до нее торопливые шаги.

Ее мольбы были услышаны: к решетке приблизился Клето. Его худое лицо выражало высшую степень беспокойства.

– Синьора, с вами все в порядке, синьора?

– Нет, совсем нет, – торопливо проговорила Лучиана. – Послушайте, Клето, я не вправе требовать ничего от вас, вы подчиняетесь моему отцу и брату, но, возможно...

Она замолчала, запоздало собираясь с мыслями. И что ей мешало продумать свои мольбы заранее? Станет ли ее положение хуже, если Клето не согласится и передаст ее слова отцу?

– Для вас – все, что угодно, госпожа, – порывисто воскликнул Клето, и Лучиана успела заметить, как дернулась его рука, словно он хотел дотронуться до ее пальцев, сжимающих холодный металл решетки.

Эхо насмешливо передразнило, искажая и коверкая интонации:

– Что-угодно-угодно-угодно...

Они оба замерли, прислушиваясь. Но в подземельях было тихо. Только пламя факелов тихонько потрескивало.

– Не говорите так, Клето, пока не услышите моей просьбы, – пробормотала наконец Лучиана, переплела свои подрагивающие пальцы и вдохнула, решаясь. – Клето, вы, возможно, слышали, что обряд обретения магии у меня пошел не совсем так, как должно. Я... я из тех, кого отец без сожалений отправит на...

Слово «смерть» ядовитой горечью осело на языке, словно она уже выпила отраву, которую точно ей поднесут, если не найдется подходящий муж.

– Под суд, – поправилась она, не желая озвучивать свои страхи, словно от этого зависела реальность их воплощения. – Отец отправит меня под суд. Старейшины...

Клето серьезно кивнул и отошел на несколько шагов, вытягивая смешно шею, словно желая оглядеться и убедиться, что их не подслушивают. Пламя факелов подчеркнуло его острые скулы и длинный тонкий нос, углубило тени вокруг уставших глаз. Лучиана подумала, что он выглядит так, будто недоедает. Военская форма, впрочем, сидела на нем ладно. И двигался он ловко, порывисто, словно ласка. Когда он снова приблизился, вплотную к решетке, Лучиана отметила, как тихи были его шаги.

– Я слышал об этом, синьора. – Его шепот коснулся ее щеки теплом, так близко они склонились друг к другу, чтобы эхо не украло и не разнесло по коридорам доверительный разговор. – Ваш брат... синьор Джаккомо предупредил меня. Вам не стоит беспокоиться. Ваш брат – чудесный человек и позаботится о вас и вашем благополучии.

Лучиана так стиснула прутья решетки, что заняли ладони:

– Клето, боюсь, я не могу ждать. Отец сказал, что решит мою судьбу до захода солнца. Джаккомо может этого не знать. Помогите мне. Прошу тебя! У меня есть украшения. – Она порывистым движением подхватила нитку бус из стекла: – Это стекло, но оно дорого стоит. И еще у меня есть кольца и серьги. Я отдам их тебе. Только, пожалуйста, выведи меня отсюда!

– Синьора! – Клето смотрел на нее с ужасом.

– Клето, я понимаю, ты не хочешь рисковать. Но мой отец... если не получится выдать меня замуж, то от меня просто избавятся. Пожалуйста, помогите мне.

– Но... госпожа. Ваш брат...

– Если ты боишься за свою жизнь, давай уедем вместе! Отправляйся со мной. Я буду рада компании. Денег нам хватит на первое время, а потом... – Лучиана замолчала, потому что так далеко не загадывала, выбраться бы из этой клетки, из удушающих стен кастелло.

Ей нужно выехать из Рима, она чувствовала это так же отчетливо, как шероховатый металл решетки в ладонях. А дальше она что-нибудь придумает! Может быть, удастся связаться с Джаккомо. Перехватить его во время визита в северные герцогства.

– Пожалуйста, Клето, – прошептала она, чувствуя подступающие предательские слезы. – Я не хочу умирать.

Клето молчал, кусая губы. Его вытянутое, слишком худое, чтобы казаться красивым, лицо выражало мучительное сомнение. Лучиана молчала, боясь, что спугнет его, и в большей степени потому, что рыдания опять подступали к горлу. Она была голодна, не выспалась и замерзла, а слова отца выжгли в груди зияющую дыру отчаяния, которую она пока старалась не замечать.

Ей показалось, что прошла вечность, прежде чем Клето, словно решившись, кивнул своим мыслям.

– Я помогу вам, синьора. Ваш брат просил меня быть готовым и помочь, думаю, этот момент настал.

Он решительно снял с пояса связку ключей и быстро нашел нужный. Сердце Лучианы колотилось так, что за грохотом крови в ушах она не слышала лязга засова и скрипа открывающейся двери.

– Клето, я... – Колючий комок застрял в горле, и Лучиана, не зная, как еще выразить свою благодарность, сжала в своих холодных руках теплую ладонь Клето.

Он, кажется, смутился, потому что уши его снова покраснели, и осторожно сжал ее пальцы в ответ.

– Все будет хорошо, госпожа. Но теперь нам надо торопиться.

Они едва ли не бегом преодолели коридор с рядом пустых камер. В маленькой комнате горели факелы, а на столе стоял кувшин и лежал нарезанный хлеб. Лучиана успела только подумать, что Клето с утра поделился с ней своей едой, как он нашарил на полу какую-то тряпичную котомку, поспешно запихнул туда хлеб и поманил ее за собой.

– Мы выйдем через казармы, но нам стоит поторопиться. После обеда стража патрулирует коридоры, и сюда может кто-то заглянуть.

Лучиана посмотрела на свечу, оплывающую в подсвечнике, и хотела было уже ее задуть, когда Клето ее остановил:

– Если начнется пожар, нас не так быстро хватятся.

Лучиана только кивнула, решив про себя, что в каменном подземелье особо нечему гореть. Только деревянному столу, скамье да сырой соломе.

Клето вывел ее в коридор, запер дверь и свернул не на лестницу, по которой ее привел Джаккомо, а в довольно широкий коридор, освещенный факелами.

– Почему здесь никого нет? – Лучиана едва поспевала за размашистыми шагами долговязого Клето, тяжелое платье из парчи мешало и путалось в ногах, к тому же она захватила накидку Джаккомо, подумав, что теплый плащ ей пригодится, если и не получится его носить, можно попробовать продать.

– Эти камеры не используются, госпожа, – пояснил Клето. – Сюда иногда отправляют провинившихся слуг или солдат в наказание, да и только.

– А вы... – Лучиана постаралась подобрать слова так, чтобы прозвучало не обидно, что он сидит и следит за порядком в пустых помещениях.

– Я разгневал его Светлость, – после недолгого колебания проговорил он. – Я служил в охране Собора Четырех Стихий. Но мой дар слишком слаб, и меня отослали несколько месяцев назад сюда.

Лучиана сочувственно дотронулась до рукава Клето, представляя, как именно мог проявляться гнев отца. И хотя ее снедало вернувшееся любопытство, не стала спрашивать, что же разгневало Верховного мага. Она подумала, что стихии ей благоволят: из всех стражников замка ее охранял именно тот, у кого были причины недолюбливать отца. Возможно, Джаккомо действительно успел что-то придумать, но, даже если у того был план, она лучше сделает так, чтобы у отца не было повода подозревать в ее побеге кого-то из семьи.

Коридор закончился, и Клето остановился перед очередной дверью, гремя ключами.

– Госпожа, подождите меня здесь. Я постараюсь найти вам какую-нибудь накидку или что-то вроде. Ваше платье...

Лучиана кивнула. Ей необходимо переодеться, если она хочет незаметно выбраться из Рима. С другой стороны, отец сказал, что Старейшины совещаются тайно, значит, никто в городе не знает, что она была в подземельях, что она в немилости и отец решает ее судьбу.

– Клето, скажите, вы сможете взять коней из нашей конюшни?

– Я думал вывести вас через казармы. – Клето наконец нашел нужный ключ.

– Вы выведете меня через казармы, – согласилась Лучиана, – я спрячусь и буду ждать вас в оливковой роще. Никто не будет меня искать до самого заката. Ваше отсутствие может кто-нибудь заметить?

– Н-нет, пожалуй, нет. После полуночи меня сменит другой стражник. Борто. Но только после полуночи.

– То есть у нас есть время, – пробормотала Лучиана, вспоминая, что до того Клето упомянул патрули, и надеясь, что им невероятно повезет. – Тогда поступим так. Выведите меня из кастелло. Я дождусь вас в оливковой роще, а вы вернетесь, возьмете коней и приведете сюда. Вам дадут коней? Скажете, что приказ герцога или что-то в этом роде. Я могу написать записку.

Лучиана продемонстрировала кольцо-печатку на мизинце с гербом отца. Оставалось надеяться, что это сработает. Раньше ее коня седлали по первому приказу, и она понятия не имела, кто передавал этот приказ. Она просто сообщала служанкам, что планирует прогуляться верхом.

– Вряд ли на конюшне будет кто-то уточнять, – кивнул Клето, – думаю, что приказа и короткой записки будет достаточно. «Подателю сего», что-то в этом роде. Конюхи не обучены грамоте.

– А дальше мы заедем к меняле, вы, опять же, по приказу герцога обменяете часть моих украшений на деньги, и мы покинем город.

– Это... это очень продуманный план, госпожа! – с восторгом сказал Клето. И Лучиана на мгновение усомнилась в его умственных способностях: сможет ли он вообще вывести ее из города, если такой план кажется ему хорошим?

– А теперь ступай. Чем быстрее мы покинем город, тем лучше. – Пока сомнения не поглотили ее вновь, Лучиана практически вытолкнула Клето из коридора.

Ожидание показалось ей бесконечным. Ну сколько времени нужно, чтобы найти хоть какой плащ? Ее служанки справлялись с подобным за мгновение.

Лучиана нервно сплетала пальцы и чутко прислушивалась, но в коридоре было тихо и из-за двери не доносилось ни звука. А выглядывать она не рискнула.

Только бы у нее получилось! Клето не казался слишком надежным спутником, но он был мужчиной, и это уже было преимуществом. Он казался достаточно очарованным ею, чтобы помогать, и достаточно смущенным ее статусом, а может быть, красотой (ей часто говорили, что она необычайно хороша), чтобы она чувствовала себя в безопасности. Он сможет представиться ее мужем на постоялом дворе, если возникнет такая нужда. И, наконец, он может говорить то, что она попросит говорить, пока она будет прятать лицо и молчать – поведение замужней женщины, которое не вызовет вопросов.

Она знала, что мать, которая ведет активную переписку, блистает на ассамблеях и маскарадах, организует весь быт кастелло, при отце покорно склоняет голову и молчит. Так что Лучиане оставалось просто повторять это поведение, если у кого-то будут вопросы к юной жене. О всяких ужасах вроде разбойников, которые, по рассказам брата, весьма вольготно чувствуют себя на дорогах, соединяющих герцогства, она предпочитала не думать. Сначала надо выбраться из города и остаться живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.